

«Три кита» современного воспитания

Почему для современного образования так важны понятия «культура», «наука» и «религия»? Потому что именно они являются катализаторами поля напряжения и неразрешимых противоречий, даже противостояния в современном образовательном пространстве России. Именно через эти фундаментальные понятия происходит научная идентификация исследователей и педагогов, занимающихся воспитанием.

Ключевые слова: культура, религия, наука, идеология, образование, духовное (религиозное) воспитание, нравственное воспитание, основы религиозных культур и светской этики (ОРКСЭ), аксиологический потенциал предметов, моральное совершенствование, духовное возрастание.

Если в советское время воспитание и образование в целом было центрировано на коммунистической идеологии, то в 1980–1990-е годы в связи с известными политическими событиями произошел сдвиг в сторону культуры.

Это также было связано с выходом фундаментальных работ по философии культуры таких всемирно известных ученых, как М. М. Бахтин, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, Д. С. Лихачев, С. С. Аверинцев, В. С. Библер, Г. С. Батищев, А. Я. Гуревич, С. И. Гессен и многих других, которые в педагогическом аспекте были нацелены на формирование человека культуры. Таким образом, были созданы основы культурологического подхода к образованию. В это же время в сфере образования разрабатываются такие составляющие общего культурного развития человека, как формирование этической, эстетической, экологической, интеллектуальной и других культур человека.

С 2000-х годов XXI века в образовании происходит переход от культуры к религии, поддерживаемый на государственном уровне и на уровне Российской академии образования (РАО). Вот почему уже не так популярны научные исследования по воспитанию, в которых есть термин «культура». Пострадали темы, связанные не только с понятиями этической и нравственной культуры, но и экологическая, этническая, психологическая культуры. По Конституции, единой идеологии и единого мировоззрения не должно быть, но мы наблюдаем обратное. В этой связи появилась потребность в уточнении взаимодействия таких фундаментальных для образования понятий, как «культура», «наука» и «религия».

Как отмечает академик РАО А. А. Корольков, «дух церкви в школе вовсе не означает ее диктата. Церковь должна стать именно духовным центром школьной педагогики, ибо она концентрирует благодатное

начало жизни личности и государства» [4, с. 112]. Можно добавить цитаты из высказываний президента РАО Н. Д. Никандрова, который в последнее время выступает по поводу воспитания преимущественно в контексте религии.

Кстати, о благодати. Протоиерей А. Кураев отмечает: «Огромная пропасть лежит между Благодатью и самосовершенствованием. Не раздувание “искорки божества в себе” предстоит христианину. А раскрытие себя для приятия того Дара, который в принципе не может вместиться в нашем мире» [7, с. 35]. Для приятия Дара нужно себя раскрывать, а по отношению к нравственности? Как лаконично и недвусмысленно высказался в СМИ представитель Русской православной церкви (РПЦ) по связям с общественностью В. Чаплин: «К нравственности нужно принуждать!»

Очевидно, целью религиозного воспитания является все же не культурное и нравственное самосовершенствование, а раскрытие, прозрение, исполнение, обращение, преображение¹, или встречается еще один педагогически ориентированный компромиссный термин — «духовное возрастание». Этот термин использует В. В. Зеньковский, работы которого семидесятилетней давности до сих пор остаются самым передовым словом русского православия в педагогике: «Однако не моральный, а религиозный духовный процесс возрастания образует истинную и последнюю тему воспитательного воздействия на детей» [3, с. 323]. И далее: «Поэтому тема религиозного воспитания есть основная тема педагогики, все остальное — развитие интеллекта, накопление знаний, усвоение технических

¹ По Библии, Савл не доусовершенствовался до Павла, а даже вопреки своему желанию, внезапно преобразился в него, благодаря Святому Духу. Здесь количество не переходит в качество, но новое состояние полностью отменяет старое, поэтому и происходит смена имени (Деян., 9–13).

и социальных навыков, развитие характера — является лишь частью этой общей и основной педагогической задачи» [3, с. 324].

В подавляющем большинстве научных педагогических исследований, связанных с духовно-нравственной проблематикой, речь идет именно о совершенствовании и самосовершенствовании. Наверное, многие учителя будут удивлены в связи с этим немаловажным обстоятельством, ведь большинство из них нацелены именно на совершенствование духовного и нравственного мира ребенка.

Вот почему в таком контексте понятие духовно-нравственного воспитания в какой-то степени дезориентирует. Как известно, этот термин — центральный в концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России, которую разработали А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков и В. А. Тишков. Но в сегодняшних условиях на сознательном или бессознательном уровне, используя этот термин, мы имеем дело не с культурологическим, а все же с религиозным подходом. Тем более им постоянно оперируют представители РПЦ. И уже совсем не убедительно на этом фоне в последнее время звучат заверения некоторых представителей РАО, что духовность может быть и светской.

Важно также напомнить об относительной автономности нравственности и даже о ее противоположности религии. Как пишет директор Института религиозной педагогики Русской гуманитарной академии, профессор Ф. Н. Козырев: «Новозаветный моральный кодекс, если о нем вообще можно говорить, представляет большую педагогическую проблему. Ее нельзя удовлетворительно решить, сведя евангельское учение к “золотому правилу этики” и деликатно умолчав о множестве тех призывов, которые ни один здравомыслящий учитель не решится преподавать детям в форме этического императива. Удержание зазора между религией и общественной моралью остается единственным возможным подходом к духовно-нравственному воспитанию на христианских началах»² [5, с. 69].

А вот мнение А. Кураева: «Религиозная и этическая деятельность — это две различные сферы человеческой жизни. Этика регулирует отношения людей между собой, религиозная же деятельность ставит совершенно специфическую задачу. Суть каждой религии в преодолении смерти... Поэтому рассказ о христианстве не должен быть рассказом о притчах Христа или десяти заповедях, но он должен быть центрирован вокруг истории Страстей и их богословского осмысления» [6, с. 184, 186].

Мы полностью солидарны с приведенными высказываниями, поэтому между нравственным и религиозным воспитанием следует удерживать дистанцию,

² Ф. Н. Козырев приводит мнение христианского богослова К. Лейтона: «Учение Иисуса вытряхивает христиан из забвения этического самодовольства. Оно предъявляет дезориентирующие требования, которые опрокидывают моральные установления и ставят под вопрос практикуемые этические нормы» [Цит. по: 5, с. 69].

хотя бы для того, чтобы не компрометировать ни нравственное, ни религиозное воспитание.

Логичнее всего на данном этапе развития нашего общества эти понятия развести: под духовно-нравственным (точнее — духовным) воспитанием целесообразнее понимать религиозное возрастание личности, а под нравственным воспитанием — ее моральное совершенствование. Не будем отрицать, что в каких-то существенных моментах они сходятся, но цели и основания все-таки принципиально разные. Важной опорой для религиозного воспитания является Бог, а для нравственного — человек.

В шести воспитательных модулях, которые поспешно и хаотично внедряются сейчас в общеобразовательных школах, разводятся понятия «основы религиозной культуры» и «светская этика». Почему не основы светской или этической культуры? Светской этике отводится в культуре? Этическую культуру трансформируют в светскую этику? Но это явно не равноценная замена. По нашему глубокому убеждению, этика должна изучаться в контексте культуры, а не вырождаться в правила этикета. И как уже показывает практика, предмет ОРК — это явно не культурологическая, а религиозная дисциплина.

Напомним, что культурология изучает не просто социальные отношения, особенности человеческого поведения, быт, фольклор, историю, психологию народов, а ценностно-смысловые аспекты этих реалий, соотносимость аксиологического ядра социальной реальности с человеческим измерением, человеческим отношением к миру, миропониманием. Не чуждо для культурологии и изучение отношения народов к трансцендентной реальности.

Вначале перед введением шести модулей говорилось, что преподавать ОРК может и невоцерковленный педагог, важно только, чтобы он профессионально знал и любил свою дисциплину. Однако это изменилось после интервью с представителями церкви и власти, в которых они категорично заявляли, что это должен быть или священник, или глубоко верующий человек. Поэтому нужно честно признать: основная цель ОРК — не освоение традиционной культуры и даже не нравственное совершенствование и самосовершенствование, а религиозное воспитание. Да и можно ли серьезно говорить о Священной Книге, храмах и святых вне религиозного контекста?

Нельзя не учитывать, что с точки зрения расцвета время христианской культуры прошло. Известный культуролог, исследователь христианской культуры В. В. Бычков пишет: «Все с очевидностью свидетельствует об историческом конце христианской культуры, как некоего самобытного этапа Культуры. К концу XX века от христианской культуры живой остается фактически только религия...» [1, т. 2, с. 498]. Служители Церкви признают, что человечество вступило в постхристианскую эпоху.

Наверное, в каждую эпоху нужно стремиться быть современным человеком и жить в современной культуре, какая бы она ни была. Очевидно, что именно культура, благодаря своим механизмам, более восприимчива к вызовам времени. А для религии более характерно сохранение сакральных обычаев, традиций и догматов, что тоже немаловажно. Мировые религии уже не нуждаются в какой бы то ни было культуре, тем более современной. Хотя, как считает А. Кураев, сейчас очень важно научиться видеть «проблески Православия в современной культуре» [6, с. 77].

И все-таки педагогам нужно различать культуру и религию. В первую очередь необходимо для тех, кто собирается или уже преподаёт ОРК. По словам А. Л. Доброхотова, «культура это — совершенствование мира, создание прекрасных образов, полагание идей для прогресса. Христианство же занято покаянием и спасением, заботой о невидимом и ожиданием конца мирской реальности. Но, конечно, когда ожидание стало историческим процессом, появилась «христианская культура»³. Однако при этом не исчезла напряженность отношений культуры и христианства. И по сей день они — как масло и вода — расслаиваются при первой возможности» [2, с. 89].

Для различения существуют краткие формулы: культура скорее связана с благоговением перед жизнью, религия — с благоговением перед смертью. Для верующего человека здешний мир вторичен, его больше интересует то, что его ожидает за чертой этого мира, ведь самое главное происходит именно там. Очень важно добавить, что в связи с участвовавшими суицидами подростков появилась настоятельная потребность в воспитании адекватного отношения к болезням, страданиям и смерти, а это как раз в компетенции религии. Для многих людей два данных отношения к бытию дополняют друг друга.

Как показывает время, соединить культуру и религию в термине «основы религиозной культуры» малопродуктивно. Об этом не раз заявляли и сами представители церкви. Согласимся с теми, кто предлагал назвать предмет «Основы православия», «Основы ислама» и т. д. Как предостерегает тот же А. Л. Доброхотов, «опыт Нового времени показывает, что попытка вернуться к религиозному патернализму в культуре может привести лишь к обмирщению веры и культа: эти ошибки слишком дорого обошлись европейской цивилизации, и повторять их не стоит. Ведь разделение христианства и культуры было не только расколом и трагедией, но и приобретением чего-то» [2, с. 89]. Вот это приобретение и нужно актуализировать, раскрывать и развивать, а не завуалировать.

Действительно, стоит ли скрывать принципиально различное отношение с точек зрения культуры и религии на такие всемирно известные произведения, как,

например, «Демон» М. Врубеля, роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», русские народные сказки, мифы народов мира и т. д.? Стоит ли скрывать факт и причины отлучения от церкви Л. Н. Толстого? А может, лучше на этих примерах дать почувствовать специфику культурологического (светского) и религиозного подходов?

Культура в какой-то мере является противовесом религии. Человек может не принадлежать какому-либо вероисповеданию, но он обязательно принадлежит миру культуры (культуре общечеловеческой, национальной, этнической и т. д.), то есть является в той или иной степени человеком культуры⁴. При этом несомненно, что религия оказывала и до сих пор оказывает заметное влияние на жизнь многих людей, так как она отвечает неугасающей мистической потребности человека в вере в трансцендентные силы. Как точно подметил русский мыслитель В. В. Розанов, «боль жизни сильнее интереса к жизни, вот почему религия всегда будет довлеть над всеми другими отношениями к миру (наука, культура, философия и т. д.)» [11, с. 46].

Более того, мировая религия вполне может обойтись и без конкретной культуры или страны. Как отмечает А. Кураев, «Православие старше России и может оказаться долговечнее России. Россия без Православия жить не может, а вот Православие без России — может» [6, с. 107]. Многие православные, покидая Россию, вполне комфортно чувствуют себя и за рубежом.

Непросто складывались и до сих пор складываются отношения между религией и наукой. Почти весь XX век религия в России была вне науки. И это было связано не только с идеологическими причинами. Для многих ученых является очевидным, что на уровне онтологий религия и наука не могут быть объединены. По мнению В. А. Лекторского, «научное творчество возможно лишь в ситуации постоянного критицизма — не только теорий, но и картин мира, научных традиций и даже фактов. Иными словами, любая такая картина, по крайней мере, допускает возможность не только существенных модификаций, но даже и полного отвержения. Религиозная онтология принимается абсолютно. Вопрос о ее существенной модификации или тем более об отвержении просто не существует...» [10, с. 242].

Однако в пространстве образования их встреча вполне возможна, если учесть, что человек — «фокус», в котором сходятся различные уровни бытия, в том числе духовный и материальный, идеальный и реальный, иррациональный и рациональный (В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский и другие). И образование нацелено именно на человека, а не на знания сами по себе, то есть на субъектные знания. И как уже видится с позиции XXI века, в любом научном творчестве и познании можно актуализировать их духовную составляющую.

³ Нужно понимать, что для представителей Церкви это компромиссный термин.

⁴ У человека, принадлежащего к определенной культуре, в процессе образования есть возможность стать культурным человеком.

Не будем заострять внимание на том общеизвестном факте, что многие ученые были верующими людьми. Гораздо важнее другое: нередко духовный мотив был ведущим в их деятельности. Вспомним заключительный пассаж «Математических начал натуральной философии» Ньютона, где он высказывает надежду, что установленные им законы природы будут содействовать пониманию смысла сотворенного Богом мира. Или обращение к Богу Кеплера в предисловии к книге «Гармония мира»: «Я показал людям, которые будут читать эту книгу славу Твоих дел, во всяком случае в той мере, в какой мой ограниченный разум смог постичь нечто от Твоего безграничного величия» [10, с. 118]. И это не просто риторика. Тут великие ученые, создатели новой науки, говорят о том, что вдохновляло их в научных трудах; а были они подлинными подвижниками науки, которая составляла религиозный смысл их существования.

В то же время основатели науки Нового времени создали совершенно новый тип мышления, который предполагает такое отношение к миру, которое принципиально отлично от религиозного. Не удивительно, что развитие современной науки с необходимостью привело к появлению идеологии сциентизма с его резко негативным отношением ко всем вненаучным формам мышления, а технический прогресс — к идеологии технократизма, с его культом рационального преобразования и контролирования всех природных, социальных и даже духовных процессов. Не секрет, что именно такое отношение к миру царит и в сегодняшнем российском образовании.

В контексте российской культуры важно напомнить мысль А. Ф. Лосева о том, что русскому миропониманию чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов; оно представляет собой внутреннее, интуитивное, даже мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые не могут быть сведены к логическим понятиям и определениям, поэтому воплощаются в символе и образе [8]. Д. И. Менделеев был убежден, что в процессе изучения материального объекта обязательно появляется духовное измерение, хотя наука пока еще не в состоянии его учитывать [9].

Приведем простой пример того, как интегрируются математические и духовные знания в сознании двух великих православных старцев.

«Представьте себе круг, начертанный на земле, середина которого называется центром, а отрезки, идущие от центра к окружности, называются радиусами. Теперь вникните, что я буду говорить: предположите, что круг сей есть мир, а самый центр круга — Бог; радиусы же, идущие от окружности к центру, — суть пути жизни человеческой. Итак, насколько люди входят внутрь круга, желая приблизиться к Богу, настолько, по мере вхождения, они становятся ближе и к Богу, и друг к другу; и сколько приближаются к Богу, и друг к другу, столько приближаются и к Богу. Так разумеете и

об удалении. Когда удаляются от Бога и возвращаются ко внешнему, то очевидно, что в той мере, как они исходят от средоточия и удаляются от Бога, в той же мере удаляются и друг от друга; и сколько удаляются друг от друга, столько удаляются и от Бога» (Преподобный Авва Дорофей).

«Мы должны жить на земле так, как колесо вращается: только чуть одной точкой касаться земли, а остальным непрерывно вверх стремиться; а мы как заляжем на землю и встать не можем» (Амвросий Оптинский).

Очевидно, что в течение последних десятилетий в результате больших усилий российские мыслители накопили методологический, методический и содержательный материал по актуализации духовного потенциала математического, физического, биологического и многих других видов субъектных знаний. Выходит и соответствующая научно-популярная литература. Но, к большому сожалению, школьные педагоги, занятые в каждодневной гонке подготовкой детей к тестам, ГИА и ЕГЭ, аттестациям и аккредитациям, не особо стремятся его осваивать. А может быть, действительно, в наше прагматичное время это никому не нужное излишество? А может, именно актуализация духовной составляющей субъектных знаний выведет наше образование из тупика?

Мы убеждены, что необходимо продуктивное взаимодействие культуры, науки и религии. И педагоги, и дети должны понимать их особенности, пересечения и различия. Конечно, это сложное и не всегда однозначное взаимодействие, требующее соответствующих технологий на уровне XXI века. Поэтому и озадачивают те педагоги ОРК, которые заявляют: «Нам некогда диалогизировать и учитывать различные точки зрения, нам нужно спасать Россию!» И их отчасти можно понять: разве можно за 40–45 минут в неделю погрузиться в глубинные пласты религии и культуры, отвечая на многие неудобные вопросы детей? Таким образом, они волей-неволей используют старые, уже скомпрометировавшие себя приемы (дидактичность, теоретичность, монолог, внушение и т. д.)⁵.

Уточним: культура, наука и религия в их взаимодействии должны быть сквозными линиями современного образования. Продуктивно как их противопоставление, так и сближение. Понять необходимость религии можно через обнаружение границ взаимодействия культуры, науки и самой религии. Например, перечисленные в начале статьи философы культуры в своих работах эти границы достаточно точно и корректно намечали. Более того, в XXI веке в обществе, претендующем на звание демократического, необходим именно

⁵ Как отмечают многие ученые-педагоги, на фоне достаточно бурной деятельности РПЦ по возвращению своего влияния в системе образования практически отсутствует серьезный анализ ошибок дореволюционной педагогической деятельности церкви, не проявляется интерес к опыту других стран и церквей, нет стремления изучить новые рубежи светской научно-педагогической мысли.

равноправный и свободный диалог между данными компонентами образования. Можно сказать, что на сегодняшний момент — это «три кита» российского образования.

А нужен ли религии подлинный диалог? Как известно, наиболее важным механизмом в современном мире считается именно диалог. Сейчас очень популярен термин «диалог культур». А возможен ли диалог религий? Диалог — это беседа, в ходе которой идет равноправный поиск истины, на которую ни у кого нет приоритета. Однако в лоне религии, в отличие от культуры и науки, нет места для объективного поиска истины, потому что для верующего человека истина изначально уже известна. Поэтому можно лишь нечто констатировать, разъяснять и уточнять. Отсюда и соответствующие методы. Стоит ли изначально лишать юного человека, выбрав за него уже в начальной школе ту или иную мировоззренческую платформу, свободы выбора, противоборства различных взглядов и романтики духовно-нравственных поисков?

Конечно, если есть возможность, то обязательно следует изучать ОРК на культурологических началах, то есть вполне научно осваивать традиционную культуру⁶, при этом осознавая, что одному предмету это явно не по силам. Тем не менее собственную культуру опять же продуктивнее изучать в диалоге с другими культурами (по М. М. Бахтину, «культура живет на границах»). Но если подлинный диалог становится невозможным, то существует еще один эффективный метод — сравнительный анализ.

К сожалению или к счастью, в сегодняшней жизни мы сталкиваемся одновременно с сосуществованием различных взглядов, мировоззрений, культурных традиций, например в произведениях литературных классиков, в школьной аудитории или педагогическом коллективе. Следовательно, изначально приходится работать в достаточно неопределенной полимировоззренческой среде⁷.

По мнению педагогов-практиков, понимание своей культуры постепенно происходит на базе изучения многих школьных предметов наряду с пониманием других культур в режиме «моя культура — другая

(иная) культура — моя культура» (челночный принцип). И здесь очень важны нюансы и акценты.

Как представляется, на современном этапе развития образования важнее не отдавать предпочтение некоему единственному предмету или двум-трем избранным, целенаправленно занимающимся воспитанием, а актуализировать на гуманной основе аксиологический потенциал всех предметов, аккумулируя их возможности в круге сопряжения понятий «культура», «религия» и «наука».

Каждый предмет потенциально содержит в себе общечеловеческие и национальные ценности. Задача педагогов состоит в том, чтобы их актуализировать и включить в процесс интериоризации. В связи с этим каждый педагог может языком своей науки привести нечто существенное в дело духовного и нравственного воспитания учащихся. Отсюда принципиально важно задействовать весь педагогический коллектив образовательного учреждения, как единую команду. Только тогда можно говорить о полноценном систематическом воспитании каждого юного человека в современном образовательном пространстве России.

Список литературы

1. Бычков В. В. 2000 лет христианской культуре : в 2 т. М. ; СПб., 1999.
2. Доброхотов А. Л. Избранное. М., 2008.
3. Зеньковский В. В. Русская педагогика XX века // Записки Русского научного института в Белграде. 1933. Вып. 9.
4. Корольков А. Русская духовная философия. СПб., 1998.
5. Козырев Ф. Н. Религиозный компонент духовно-нравственного воспитания // Педагогика. 2008. № 9. С. 62–71.
6. Кураев А. Культурология православия: готова ли школа к новому предмету? М., 2007.
7. Кураев А. Традиции, догмат, обряд. М., 1995.
8. Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М., 1990.
9. Менделеев Д. И. Заветные мысли. М., 1998.
10. Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход. М., 2006.
11. Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990.

⁶ Конечно же, педагогам по ОРК предварительно необходимо освоить хотя бы российскую классику культурологии.

⁷ Отсюда повышенный интерес современных ученых-педагогов к синергетическим идеям, которые рассматривают сложные, неустойчивые и многовекторные процессы. Кстати, скорее всего, подобные процессы и отвечают уровню развития сознания современного человека.

НОВОСТЬ

«Имеют высшее образование 24 % российских граждан, столько же — среднее профессиональное, а начальное профессиональное и среднее общее по 18 %. Не имеют основного общего образования 3,4 %», — отметил заместитель руководителя Росстата.

Доля населения, имеющая высшее образование, сейчас в двое больше, чем в последние советские годы, и более того, втрое выросло число студентов.

Читайте подробнее на РИА Новости (<http://ria.ru/society/20121210/914197959.html#ixzz2EoMpVcGV>)